

ОТКРЫТО И ОТКРОВЕННО О СОВЕТСКОМ СОЛДАТЕ

Владимир Нилов,
США

Сегодня появилось немало желающих переписать российскую историю. В особенности — историю Великой Отечественной войны.

Иван Солоневич — публицист, сражавшийся в рядах Белой армии, а потом бежавший из СССР, не был сторонником советской власти. Но и он утверждал, что ни Власова, ни движение, которому он дал своё имя, нельзя ставить на пьедестал. Не случайно в народе власовцев никогда не называли Русской освободительной армией. Много чести! Движение это не может быть названо ни русским, ни освободительным.

Эти трагические страницы нашей истории надо перелистывать, как это делают летописцы, «добру и злу внимая равнодушно».

Если и освещать эту тему, то только имея в виду будущее, чтобы «не споткнуться о символику и мифы» недавнего прошлого. Ещё раз: речь идёт не об осуждении рядовых участников движения, которые присоединялись к нему, спасаясь от смерти в лагерях военнопленных, а об осмыслении события, хотя и недавнего но всё-таки прошлого.

Надо отложить в сторону самолюбие и мифы и бесстрашно, насколько

это возможно участникам войны как с одной, так и с другой стороны, взглянуть на неё холодным оком рассудка.

Надо отмести всякую пропаганду: советскую, нацистскую, демократическую и эмигрантскую. Цель пропаганды — создание единообразного общественного мнения, а не истина. Для пропаганды общественное мнение такой же продукт, как автомобиль для Детройта. Торо, известный американский публицист XIX века, недаром писал, что гражданин, не читающий газет, опасен для республики. Пропагандистские штампы и мифы стали священными коровами, племенными табу эмиграции, на которые нельзя поднять руку без того, чтобы она не отсохла от заклинаний жрецов традиций.

Гитлер воевал не только против коммунизма, а за национальные интересы немецкого государства, вождём которого он был. Ему нужны были земли на Востоке, Lebensraum, чтобы обеспечить будущее германской расы, как он говорил, на тысячу лет. «Антикоммунизм» был тактикой, а вовсе не единственной стратегией Третьего рейха. В «Майн Кампф» Гитлер с солдатской прямоотой писал, что люди его поколения будут свидетелями крушения восточного колосса на глиняных ногах. Но не русские черепки были разбиты, а немецкие черепа.

Обвинять Гитлера в идиотизме, как это часто делается, наивно. Он был последователен,

и у него не было никаких обязательств перед русским или любым другим народом. Руководитель государства, политика которого приносит выгоду другим народам и в особенности потенциальному врагу, был бы предателем своего народа. За что немецкий народ с кайзером во главе воевал в 1914—18 годах с Россией? За своё будущее. Почему одна монархия воевала против другой? При сходной форме правления никаких идеологических причин не было. Немцы воевали за осязаемое: за земли, за недра, за гегемонию в Европе и во всём мире, т.е. за то же, за что они воевали в 1941—45 годах. Требовать от Гитлера «честности» равносильно требованию, чтобы он перестал быть Гитлером. Если бы он победил, то возлагать надежду на победу народного сопротивления после войны и возрождение России было бы поздно. С Россией было бы покончено навсегда.

Власовский опыт, как это признают сами власовцы, «горек», однако он был не просто горьким, но и отрицательным. У него только одна «заслуга»: он рассеял иллюзию — на Запад нам полагаться нечего, ни тогда, ни теперь. Но *положительных* заслуг за этим «движением» не числится. Их не было. Победа над гитлеровской Германией сохранила историческую Россию; вот почему Иван Солоневич облёк эту мысль в краткую и образную форму: «Иван в Берлине лучше, чем Фриц в Москве».

Ныне всячески преуменьшается значение «Пражского Манифеста» 1944 года. Но «Манифест» — факт, и его, как слово из песни, не выкинешь. «Манифест» санкционировал развал России и прокламировал установление солидаристского строя, т.е. разновидности тоталитаризма. «Манифест» был направлен не против советской власти, а *против России* и единства её народов. Вот почему это «движение» нельзя назвать ни русским, ни освободительным. Кто обедает с чёртом, должен иметь длинную ложку: ложка у Власова оказалась короткой. И не потому ли он подписал воззвание, призывавшее русских людей бороться на Востоке против коммунизма, а на Западе против «плутократии и капиталистов». Каким русским национальным целям служил этот призыв?

Утверждение, что «движение было массовым... оно началось массовой сдачей советских войск в 1941 году; оно продолжалось людьми, добровольно взявшими оружие, когда Власов был об-

ласкан Сталиным и бил немцев, как мог», — это миф, и его обсуждение под запретом, нарушитель которого сразу же будет заклеен разными неприятными именами. Этот миф, как и всякий миф, только краем соприкасается с действительностью.

«Массовое движение» среди военнопленных до призыва генерала Власова есть мистификация. Известно, что в немецких полевых частях советские военнопленные работали на всякого рода подсобных должностях: конюхами, обозными, подносчиками патронов и др. Это массовое движение? Позвольте полюбопытствовать: каким образом советские военнопленные в немецких лагерях со смертностью до 60% в год могли добровольно взяться за оружие? Откуда оно у них взялось? Если дали немцы, то это не «взялись», а дали, конечно, имея в виду свои, а не русские выгоды. Добровольное взятие оружия — миф и фантазия, иначе придётся поверить в чертовщину: военнопленные, которых немцы официально называли «недочеловеками» («унтерменшами»), имели свободный доступ к оружию — захотели и взяли, а не захотели — пусть себе ржавеет в козлах.

Массовая сдача армий в первые месяцы войны потому-де, что народ, одетый в шинели, не хотел воевать, — миф.

Все немецкие источники сообщают об ожесточённом сопротивлении советских войск с первых же часов войны. В первый и в последний раз немцы встретились с таким сопротивлением! Отмечались неумение, низкая квалификация командиров, но никак не недостаток мужества и храбрости. Вот мнение генерала Клейста: «Русские были первоклассными бойцами с самого начала, и нашими успехами мы были просто обязаны лучшей тренировке. Они дрались яростно, выказывая поразительную выносливость, и обходились без средств, которые другие армии рассматривают как необходимость. Уроки первых поражений быстро научили офицерский

состав; вскоре они стали весьма эффективны». Вот свидетельство генерала Дитмара: «За время моего командования Финским фронтом только одно русское подразделение сдалось в плен моим частям. По особому приказу Гитлера позднее была сделана попытка внедрить то же умонастроение, которое преобладало в Красной армии. Мы старались копировать русских в этом отношении». Вот слово генерала Блюментригга о том, как вёл себя противник на Восточном фронте в первые недели войны: «Однако только в этой войне мы в первый раз по-настоящему поняли, что в действительности означает Россия. Сражения, которыми открылась война в июне 1941 года, обнаружили для нас в первый раз, что значит Советская армия. Наши потери доходили до 50 процентов. Наши войска скоро поняли, что значит драться с русскими... Старая Брест-Литовская крепость держалась неделю несмотря на тяжёлый обстрел орудиями больших калибров и бомбардировку с воздуха. Красная армия 1941—45 годов была крепче царской армии. В конце июля 1941 года под Смоленском полмиллиона русских были окружены. Ловушка почти захлопнулась — оставался коридор в 10 километров, но русским снова удалось вывести из неё большую часть своих войск». (Все цитаты из книги английского военного историка капитана Лиддел Гарта «Говорят немецкие генералы»).

Вот сообщение немецкого источника: «Герои Брест-Литовска заслужили своё место в советской истории. Упорство, с каким они дрались, их преданность долгу перед лицом безнадёжного перевеса сил не в их пользу — всё это было типичными чертами боевой морали и силы сопротивления русского солдата. Немецким дивизиям ещё много раз пришлось встретиться с такими примерами. Упорство и самотверженность защитников Бреста произвели глубокое впечатление на немецкие войска. Военная история знает не много примеров подобного презрения к смерти. Генерал Гудериан,... получив рапорт об осаде крепости... сказал: «Эти люди достойны самого высокого восхищения» (Паул Каролл «Гитлер марширует на восток»). Курьёзно, но немцы были

первыми, кто отметил подвиг героев Бреста; в СССР они были реабилитированы только в 1956 году, через 15 лет после события. Вот одна из записей на стене от 20 июля 1941 года: «Умру, но не сдамся» (без подписи). (Из книги П. Каролла, который цитирует Смирнова «В поисках героев Брест-Литовска».)

Все они говорят об одном и том же: упорное до ярости сопротивление, презрение к смерти у русских с самого начала войны, тяжёлые потери и психологический шок — у немцев. «Тяжёлые бои постепенно оказали своё воздействие на наших офицеров и солдат... И это было не физическое, а душевное потрясение, которое нельзя было не заметить. И то, что наши лучшие офицеры в результате последних боёв [октябрь 1941 года под Москвой] были так сильно подавлены, было поразительным» (Генерал Гудериан). Упомянутая генералом Дитмаром сдача в плен одного советского подразделения — единственный в своём роде факт, который мне удалось найти в литературе. Это событие потому и врезалось в память генерала, что было редким исключением, а не правилом, как пытаются уверить нас в противном эмигрантские «писатели». Попав в окружение, солдаты и офицеры Советской армии пробиваются на Восток, к своим, а никак не на Запад.

В декабре 1941 года, когда СССР перешёл в наступление, Гитлер потребовал, чтобы немцы держались так, как русский солдат, когда наступал вермахт: упорно и с презрением к смерти.

Почему для объяснений поражений не приняты во внимание боевой опыт немецкой армии, новые тактические методы борьбы — танковые глубокие прорывы с отрывом от пехоты, численное превосходство вермахта на Центральном направлении, абсолютное господство в воздухе и подавляющее в танках в первые два года войны? Или забыто, что во время чистки 1937—38 годов была обезглавлена советская армия? Что в «начале войны только 7% офицеров имели высшее военное образование, что летом

1941 года 75% командиров занимали свои должности менее года»? (Некрич.) Что могли молодые генералы противопоставить немецкому командованию, которое имело боевой опыт руководства войсками и разгром Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Югославии, Греции, авиадесанта на о. Крит, оккупации Дании и Норвегии?

У немецких генералов, офицеров и солдат была уверенность в себе и в своём превосходстве и презрение к своему восточному противнику. У Красной Армии — преувеличенно почтительное отношение к военному искусству немцев. Или забыто, что в первый день войны немцы внезапным налётом на аэродромы уничтожили почти всю советскую авиацию? Первые два года войны небо над Россией было немецким, их господство в воздухе полным. В первые же дни войны было уничтожено, захвачено или оставлено много танков, а оставшиеся были использованы по-старинке, приданы полкам и батальонам, а не сведены в ударные кулаки, как у противника.

Все эти причины вполне достаточны, чтобы объяснить военную сторону поражений первых двух лет войны. Нет никакой необходимости прибегать к фальсификации истории. Кстати, я не первый и не единственный, кто высказывает подобные взгляды.

Советские войска, кроме лобовых атак и умения стоять на смерть, не имели никакого понятия о манёвре. Рядовые расплачивались за неумение офицеров и генералов водить войска, но, попадая в окружение, пробивались на Восток. Сам генерал Власов не сдался, а был захвачен в плен, и это скорее типично для всего состава его будущей армии.

К концу 1942 года советские войска приобрели опыт. Материальные потери были возмещены, солдаты и офицеры овладели тактикой современного боя — и сразу исчезли окружения и котлы.

Катастрофа 1941 года была политическим просчётом Сталина, за который страна заплатила большой кровью и двумя лишними годами войны. Сталин слишком понадеялся на заявление Гитлера в «Мейн Кампф», что Германия в следующую войну будет воевать только на одном фронте. Он считал, что Гитлер, не покончив с Британией, не осмелится напасть на Советский Союз. Вот почему Сталин пренебрёг пре-

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ИММУНИТЕТ

достережениями как западных разведок, так и своей собственной, вплоть до совершенно точной информации Рихарда Зорге о дне немецкого наступления. Сталин посчитал их очередной дезинформацией, уловкой западных держав, стремящихся втянуть СССР в войну с немцами. Гитлеру почти удалась его игра ва-банк — ему не хватило всего лишь пол оборота, чтобы уложить Россию на лопатки, но она была спасена своим пространством и «исторически непобедимым Иваном».

Из опыта прошлого мы должны извлечь уроки на будущее и донести до подрастающего поколения следующее:

1. Великую Отечественную войну выиграл советский солдат.

2. На Запад, любой Запад — монархический, демократический, нацистский или коммунистический, нам рассчитывать не приходится. Запад борется за свои интересы. Расчёт на помощь соседского дяди нужно оставить раз и навсегда.

3. Антикоммунизм Запада просто пропагандистская уловка для борьбы с исторической, вечной Россией — не первая и не последняя уловка.

4. Россия одинока в мире. У неё нет ни друзей, ни союзников: она может рассчитывать только на себя, на свою духовную и материальную мощь.

5. Политическая система русского государства должна быть приноровлена к его географии, исходить из опыта его истории и быть укоренённой в психологии народа, который любит крепкую власть, а не размазну. Россия должна быть русской. Никаких западных экспериментов да не будет позволено «интеллигентам» западного толка производить над телом и душой России — Россия не морская свинка!

Без России не быть миру в мире. **НО**